

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....8

О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ ЧРЕЗ СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ, С УКАЗАНИЕМ, КАК СОХРАНИТЬ СИЮ БЛАГОДАТЬ В ПЕРИОД ВОСПИТАНИЯ

КАК НАЧИНАЕТСЯ В НАС ХРИСТИАНСКАЯ
жизнь? 17

КАК НАЧИНАЕТСЯ ЖИЗНЬ ХРИСТИАНСКАЯ
в Таинстве Крещения? 31

О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ ЧРЕЗ ПОКАЯНИЕ, ИЛИ О ПОКАЯНИИ И ОБРАЩЕНИИ ГРЕШНИКА К БОГУ

КАК НАЧИНАЕТСЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ
в Таинстве Покаяния? 113

1. Состояние грешника 118

2. Действие Божией благодати 126

3. Пробуждение грешника от греховного
сна 128

4. Чрезвычайные действия благодати Божией
в возбуждении грешников от сна
греховного 132
5. Обыкновенный порядок стяжания дара
возбуждательной благодати 162
6. Восход до решимости оставить грех
и посвятить себя богоугождению..... 211
- А. Восход до решимости оставить грех.....211
- Б. Восход до обета посвятить себя Богу237
7. Облечение силою свыше на дело
богоугождения в Таинствах Покаяния
и Причащения..... 251
- А. Кающемся изрекается всепрощение
в Таинстве Покаяния.....252
- Б. Кающийся приступает к Таинству
Святого Причащения265

О ТОМ, КАК СОВЕРШАЕТСЯ,
ЗРЕЕТ И КРЕПНЕТ В НАС
ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ТО ЖЕ
О ПОРЯДКЕ БОГОУГОДНОЙ ЖИЗНИ

- КАК СОВЕРШАЕТСЯ, ЗРЕЕТ И КРЕПНЕТ В НАС
ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ? 277
1. О хранении духа ревности по Богу..... 322
- А. Внутрь-пребывание325
- Б. Зрение другого мира.....332

В. Стояние в чувствах, доведших до решимости.....	341
2. Указание упражнений, способствующих к утверждению в добре душевных и телесных сил человека	353
А. Упражнения, способствующие к образованию душевных сил по духу христианской жизни.....	366
Б. Держание тела по духу новой жизни....	389
В. Порядок внешней жизни по духу жизни новой	395
Г. Благодатные средства воспитания и укрепления духовной жизни	403
Д. Приближение к непрерывному говению	410
3. Правила брани со страстями, или начала самопротивления.....	419
4. Начатки восхождения к живому богообщению	469
А. Восхождение к Богу.....	472
Б. Живое богообщение совершается в состоянии безмолвия, приводящего к бесстрастию.....	484

ВВЕДЕНИЕ

В «Начертании христианского нравочужения» изображены обязательные для нас чувства и расположения, но этим сказано далеко не все, потребное к устройению своего спасения. Главное дело у нас — действительная жизнь в духе Христовом. А этого только коснись, сколько откроется недоумений и сколько поэтому потребно указаний, и притом почти на каждом шагу!

Правда, там последняя цель человека указана — в общении с Богом — и путь к ней изображен: это вера с хождением в заповедях, при помощи благодати Божией. Приложить бы только слово: вот путь! Иди!

Легко сказать: вот путь, иди! Но как сделать это? Большею частью недостает желания идти. Упорно отрывает душа, увлеченная какою-либо страстью, всякое понуждение и всякий призыв; очи от Бога отвращает и смотреть на Него не хочет. Закон Христов не по сердцу; ей и слушать о нем нет расположения: душа, как говорят, не лежит. Спрашивается, как же дойти до того, чтобы родилось желание идти к Богу путем Христовым; как сделать, чтобы закон напечатлелся в сердце и человек, действуя по этому закону, действовал бы от себя, непринужденно, чтобы закон сей не лежал на нем, а как бы исходил от него?

Но пусть обратился кто к Богу, пусть возлюбил закон Его; самое шествие к Богу, самое хождение путем закона Христова необходимо ли уже и будет успешно потому только, что мы возжелали сего? Нет. Кроме желания, необходимо еще иметь силы и умение действовать: нужна мудрость деятельная. Кто вступит на истинный путь богоугождения или начнет при благодатной помощи стремиться к Богу, путем предначертанного закона

Христовы, тому неминуемо будут угрожать опасности сбиться на распутья, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемым. Сии распутья неизбежны по остающемуся, даже и в обращенном, греховному позыву и расстройству сил, которые и в сем состоянии способны представлять вещи в превратном виде — прельщать и губить человека. К сему присоединяется лесь от сатаны, который неохотно расстается со своими жертвами, и когда кто из области его пойдет к свету Христову, гонится вслед его и всякие расставляет сети, чтобы снова уловить, и нередко действительно уловляет. Следовательно, и тому, кто имеет уже желание идти указанным путем к Господу, необходимо еще указать все уклонения, возможные на сем пути, чтобы шествующий наперед был предварен о сем, видел имеющие встретиться опасности и знал, как избежать их.

Эти общие всем неизбежности на пути спасения делают необходимыми особые руководительные в христианской жизни правила, коими должно быть определено, как дойти до спасительного желания богообщения

и ревности пребывать в нем и как безбедно пройти к Богу среди всех распутий, возможных на сем пути по всем степеням, — иначе: как начать жить по-христиански и как, начавши, усовершениться в этом. Сие руководство должно взять человека вне Бога, обратиться к Нему и потом привести пред лице Его; должно проследить жизнь христианскую в ее явлениях, на деле, от начала до конца, то есть как она засеменяется, развивается, зреет и приходит в полноту, или — что то же — написать историю деятельной жизни каждого христианина, с показанием того, как в каком случае должен он действовать, чтобы устоять в своем чине.

Засеменение и развитие жизни христианской существенно отлично от засеменения и развития жизни естественной. Это зависит от особенного характера христианской жизни и отношения его к нашей природе. Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения. Семя Христова падает на землю сердца уже бьющегося. Но как естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям

христианства, то — тогда как, например, в растении начало жизни есть возбуждение ростка семени, пробуждение как бы спящих сил — начало истинно христианской жизни в человеке есть некоторое воссотворение, дарование новых сил, новой жизни. Далее, пусть воспринято христианство как закон, то есть положена решимость жить по-христиански: это семя жизни (решимость) не бывает окружено в человеке благоприятствующими ему стихиями; и при этом весь человек, его тело и душа, остаются неприспособленными к новой жизни, непокорными игу Христову; потому с сей минуты начинается у человека потовой труд — образовать всего себя, все свои силы по-христиански. Вот почему, тогда как возрастание, например, у растений есть постепенное развитие сил, легкое, непринужденное, у христианина оно есть многотрудная борьба с самим собою — напряженная и скорбная, и ему надо настраивать свои силы на то, к чему у них нет расположения: он, как воин, каждый шаг земли, хотя своей же, должен отнимать у врагов войною — обоюдоострым мечом

самопринуждения и самопротивления. Наконец, уже после долгих трудов и усилий, начала христианские являются победоносными, господствующими без сопротивления, проникают весь состав естества человеческого, вытеснив из него враждебные себе требования и стремления, и поставляют его в состояние бесстрастия и чистоты, сподобляя блаженства чистых сердцем — зреть Бога в себе в преискреннем с Ним общении.

Таково положение в нас жизни христианской. Она имеет три степени, которые, по свойству их, можно назвать так: первую — обращением к Богу, вторую — очищением или самоисправлением, третью — освящением. На первой — человек обращается от тьмы к свету, от области сатанины к Богу; на второй — очищает храмину сердца своего от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа; на третьей Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. Это состояние блаженного богообщения — цель всех трудов и подвигов!

Изобразить все сие и определить правилами и будет значить — указать путь

ко спасению. Полное в сем деле руководство берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и возводит до возможной для него степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова. Иначе, оно должно показать:

- 1) как начинается в нас христианская жизнь;
- 2) как совершенствуется — зреет и крепнет, и
- 3) какую является в полном своем совершенстве.

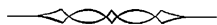

О начале христианской
жизни чрез Святое Крещение,
с указанием — как сохранить
сию благодать в период
воспитания

КАК НАЧИНАЕТСЯ В НАС ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ?

Надобно нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь, для того чтобы видеть, положено ли в нас начало жизни сей, и в случае если не положено, знать как положить оное, насколько это от нас зависит. То нерешительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто-нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, увидет в Царствие...* (Мф. 7, 21). *И не вси, сущии от Израиля, суть Израиль* (ср.: Рим. 9, 6). Можно быть

в числе христиан и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течение жизни нашей, когда кто начинает жить по-христиански. Это тот момент, когда в нем начинают качественно отличаться черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существование жизни христианской состоит в богообщении о Христе Иисусе Господе нашем, — в богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней есть жар деятельной ревности, исключительно о христианском богоугождении, с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противоположного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански.

На этой отличительной черте надобно остановить немного подолее наше внимание.

Огня приидох воврещи на землю, говорит Спаситель, *и как желал бы Я, чтобы он возгорелся* (Лк. 12, 49). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о богоугождении, похожая на огонь, ибо как огонь снедает то вещество, в котором вводится, так и ревность о жизни по Христе снедает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: *Всяк огнем осолится...* (ср.: Мк. 9, 49). И это есть указание на огонь духа, ревностию проникающего все существо наше. Как соль, проникая удобообразуемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и по телу, из всех даже малейших его вместилищ и хранилищ и тем спасает нас от нравственной порчи и растления.

Апостол Павел заповедует: *Духа не угашать* (ср.: 1 Фес. 5, 19), *быть тщанием не ленивым, духом гореть* (ср.: Рим. 12, 11), — заповедует сие всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: *задняя забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания о Христе Иисусе* (ср.: Флп. 3, 13–14); и другим внушает: *тако тецйте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которою берутся за дела богоугодные, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро

не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: часто *имя только имеют, что живы*, будучи на деле *мертвы* (ср.: Откр. 3, 1). Эта добропорядочность поведения больше всего может вводить в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в которых возможны значительные отклонения от существенной правды при делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или соуслаждение в сердце, так равно, делая дела правые внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она как насущного хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знакомых, даже вещи его, цвет, ему любимый,

вообще все, что сколько-нибудь напоминает о нем. То же и ревность о богоугождении истинная: преследует грех в малейших о нем напоминаниях или намеках, ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуется в чем-либо усиленный труд или какое-либо самопожертвование — тотчас последует отказ, по невозможности совладеть с собою. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы подвигнуть себя на доброе дело; саможаление подорвет все опоры. Если же примешается другое какое побуждение, кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Сглядатаи при Моисее убоялись оттого, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сожигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателен

на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — усердие и многое разжжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно Царствие получить» (Беседа 31 на Деяния).

Дело благочестия и богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное, особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы подъять все эти труды? При помощи благодати Божией — в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без сего мы будем находить в служении Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоход идет, но с болезнию, тогда как для быстрой серны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все

делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без сего мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие. Надо делать **все**; а в противном случае мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать со вниманием и осмотрительностью, как **главное дело**; а иначе мы будем делать как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин — плохой христианин: вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, — и жизнь такая не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о богоугождении. Спрашивается теперь, как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть

жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота и чрез них — всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (чрез Таинства) и, сочетавшись с свободою, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собою родить такую силу жизни: об ней должно молиться и быть готовым принять ее. Огонь ревности с силою — это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снедающею только, но и вседействующею ревностию.

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем и еще что-либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался

на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе — такой, которая приводит ко спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию слова Божия — и это не на один месяц или год, но на всю жизнь — и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, пусть хвалится своею силою; а без сего не лучше ли заградить уста свои? Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устроения христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке — и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении, среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее

и принять по чину, — и она приподнимет нас и извлечет из этого треволнения временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн — куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле, не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или серчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собою, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется,

как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием — одно другого хуже — начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с пророком: *воды внидоша до души моя: углебох в тимени глубины* (ср.: Пс. 68, 2). *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!* (Пс. 117, 25).

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот ображено лицо или вещь, родилось желание, возбудилась страсть; человек увлечен и пал. После сего оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечениям, и он снова готов забыться. Далее, кто-нибудь оскорбил: началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка — берется и за то: одного унизил, с другим поделился, третьего столкнул с места, — и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? *Дух бодр, плоть же немощна* (ср.: Мф. 26, 41). Видишь добро и творишь зло: *хотящу твори-*

ти доброе, злое прилежит (ср.: Рим. 7, 21). Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, то есть если не отвержение, то нечувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «Не ходи туда — к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем — где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (преlestи страстей), где усее цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее и не догадывается, что ниспадает все ниже и ниже, пока наконец не низойдет на самое дно зла — к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это-то воззвание и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз осмотреться на себя.

Итак, желаешь начать жить по-христиански, взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоею волею,

будет минутою рождения жизни христианской — сильной, твердой, многоплодной.

Где обрести и как принять благодать, начинающую жизнь? Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в Таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию или предносим Богу свою непотребную природу, и Он действием Своим превращает ее. Богу угодно было, для поражения гордого ума нашего, в самом начале истинной жизни, сокрыть силу Свою под сенью вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.

Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: **Крещение** и **Покаяние**. Потому и правила касательно начала жизни истинно христианской собираются одни вокруг Крещения, а другие — вокруг Покаяния.

